

**МАЙКЛ БЕШЛОСС
СТРОУБ ТЭЛБОТТ**

**ИЗМЕНА
В КРЕМЛЕ**

В _____ ТОМАХ **ПРОТОКОЛЫ
ТАЙНЫХ СОГЛАШЕНИЙ
ГОРБАЧЕВА С АМЕРИКАНЦАМИ**

Строуб Тэлботт

**Измена в Кремле. Протоколы
тайных соглашений
Горбачева с американцами**

«Алисторус»

2012

УДК 338
ББК 65.9(2)

Тэлботт С.

Измена в Кремле. Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами / С. Тэлботт — «Алисторус», 2012

Строуб Тэлботт – видный американский политик. Он двадцать один год проработал в журнале «Тайм», после чего поступил на государственную службу в качестве специального советника Госсекретаря США по вопросам новых независимых государств на постсоветском пространстве. Позже С. Тэлботт стал заместителем Госсекретаря США (1994–2001 гг.); с 2002 года президент Брукингского института в Вашингтоне. Майкл Бешлосс – американский историк и политолог, автор нескольких книг о советско-американских отношениях, о внешней политике США. В своей книге С. Тэлботт и М. Бешлосс рассказали о том, как администрация президента Буша упорно и целенаправленно готовила развал Советского Союза, не стесняясь при этом в применении любых средств. В книге приводятся секретные послания и телефонные разговоры между Бушем и Горбачевым, Бейкером и Шеварднадзе, стенограммы закрытых заседаний в Кремле, Белом доме, Пентагоне, ЦРУ и КГБ.

УДК 338
ББК 65.9(2)

© Тэлботт С., 2012
© Алисторус, 2012

Содержание

От авторов	6
«Этот новый малый – Михаил Горбачев»	7
«Он идет в нашу сторону. Вот и пусть идет...»	15
Этикетка Горбачева	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Майкл Бешлосс
Измена в Кремле. Протоколы тайных
соглашений Горбачева с американцами

Нашим женам – АФСАНЭ и БРУК

От авторов

В начале 1989 года мы задумали написать книгу, посвященную отношениям между Соединенными Штатами и Советским Союзом в последующие три года. Никто не мог тогда предвидеть, что в наше повествование войдут рассказы о таких событиях, как освобождение Восточной Европы, роспуск Варшавского пакта, прекращение деятельности советской коммунистической партии, смерть Советского Союза и окончание «холодной войны».

В начале работы над книгой мы опросили многих американских и советских официальных лиц, согласятся ли они регулярно встречаться с нами и рассказывать о том, что происходило внутри их правительств, а также между двумя правительствами; многие согласились при условии, что мы не будем называть их имена. Таким же образом мы договорились и с официальными лицами других стран НАТО и Варшавского пакта.

Свыше трех лет мы поддерживали постоянную связь с нашими «источниками» в Вашингтоне, Москве и в нескольких европейских столицах. Мы встречались с ними иногда через несколько дней – а порой даже через несколько часов – после совещаний за закрытыми дверями, переговоров, телефонных разговоров и прочих обменов мнениями, происходивших по дипломатическим каналам и описанных на этих страницах. Информация, которую мы получили, воспроизводилась не по памяти, а часто по записям основных моментов разговора, по памятным запискам о беседах, телеграммам и другим документам. Мы цитируем дословно лишь в тех случаях, когда наши «источники» непосредственно присутствовали при том, о чем говорилось. По возможности мы перепроверяли информацию о каждой встрече, беседе или эпизоде.

Многие из наших «источников» должны остаться анонимами, поэтому мы не можем воздать им здесь должное, но наша благодарность не знает границ.

И наконец, мы признательны всем членам наших семей, которым в течение четырех лет пришлось жить с этим проектом. Девин и Адриан Тэлботт проявили активный интерес к этому делу и мирились с занятостью отца. Наши жены – Афсанэ и Брук – поощряли наше сотрудничество, даже когда это осложняло семейные отношения. Они также читали большие разделы рукописи на различных стадиях работы и давали нам необходимые советы. По этим и многим другим причинам эта книга посвящается им.

Майкл Р. Бешлосс, Строби Тэлботт.

«Этот новый малый – Михаил Горбачев»

В четверг, 10 декабря 1987 года, по окончании своего первого визита в Соединенные Штаты, Михаил Горбачев вышел из Белого дома, попрощался с Рональдом Рейганом и сел на заднее сиденье своего черного лимузина «ЗИЛ» вместе с вице-президентом Джорджем Бушем.

Машина покатила по дороге, ведущей от Белого дома, под мелким дождем, направляясь на военно-воздушную базу Эндрюс, и Буш сказал Горбачеву, что ему пришла одна идея, но он предпочел бы, чтобы Горбачев не оглашал того, что он сейчас услышит. Горбачев кивнул.

Хотя до начала президентских выборов в 1988 году оставалось еще три недели, вице-президент уже всюду вел кампанию за то, чтобы быть выдвинутым кандидатом от республиканской партии. Лидер сената от его партии Роберт Доул из Канзаса, по данным нескольких опросов общественного мнения, опережал его.

Буш сказал: «Есть немало шансов, что я выиграю на президентских выборах в будущем году. Сейчас Доул выглядит весьма опасным соперником, но я думаю, что республиканцы выдвинут меня. Если меня выберут, – а я думаю, что выберут, – знайте, что я хочу улучшения наших отношений».

Буш объяснил, что за семь лет на посту вице-президента при Рональде Рейгане ему приходилось держать свои умеренные взгляды при себе. Он пояснил, что Рейгана окружают «отпетые убийцы-интеллектуалы», которые будут счастливы ухватиться за любое доказательство того, что вице-президент в глубине души – либерал. Поэтому во время кампании 1988 года ему придется делать и говорить многое с таким расчетом, чтобы быть избранным. Господин Горбачев не должен обращать на это внимания.

Горбачев ответил, что все понимает. Много времени спустя, вспоминая этот разговор, он скажет, что «это была самая важная из всех наших бесед с Бушем». На протяжении последующих четырех лет всякий раз, как ближайшие помощники советского руководителя жаловались, что Буш потворствует республиканским консерваторам, Горбачев напоминал им о беседе в лимузине и говорил: «Не волнуйтесь. Сердце у него там, где надо».

За первые сорок шесть лет жизни Джордж Буш лишь изредка имел дело с Советским Союзом. Когда Буш был послом в ООН в 1971 – 1972 годах при Ричарде Никсоне, он возил своего советского коллегу Якова Малика на игру нью-йоркской бейсбольной команды (принадлежавшей его приятельнице Джоан Уитни Пэйсон), но это мало что изменило в дипломатических отношениях между странами.

Когда Буш был директором ЦРУ в администрации Джералда Форда, консервативно мыслящие критики разрядки и сторонники вооружения Америки обвиняли Управление в том, что оно систематически недооценивает военную угрозу со стороны СССР. Вместо того, чтобы стать на защиту профессионалов-разведчиков, которыми он руководил, и защитить Управление от нажима со стороны политиканов, Буш постарался утихомирить правое крыло. Он предложил создать комиссию из людей, не имеющих отношения к ЦРУ, которая наблюдала бы за методами работы Управления. Он открыл этим людям доступ к секретным материалам и санкционировал подготовку ими доклада с оценкой сверхсекретной разведывательной информации ЦРУ о различных сторонах деятельности Советского Союза.

Как и следовало ожидать, эта группа, названная Командой Б, объявила, что ЦРУ проявляет излишнюю мягкость к СССР, и присоединилась к всевозраставшему хору голосов, призывавших к новой американской программе вооружения. Один из помощников Буша в ЦРУ вспоминает, что его начальник, «рассматривая данные стратегического значения, никогда не высказывался определенно. Главной его заботой было попытаться примирить различные точки зрения... Он из тех, кто берется за разрешение проблем». Буш как-то сказал: «Решите же эту чертову проблему. Если для этого нужна Команда Б, используйте ее».

После того, как Форд потерпел поражение на выборах 1976 года, Буш сказал, что готов остаться на посту директора ЦРУ, но Джимми Картер отказал ему в этом. Осенью 1978 года Буш прилетел из Хьюстона в Нью-Йорк на частный обед. Кроме него на этом обеде были видные фигуры, занимающиеся внешней политикой на Северо-Востоке, в большинстве своем демократы. После десерта Буш выступил с критикой Картера за то, что он не противостоит советской угрозе. В качестве примера Буш привел продвижение коммунистического влияния в Сомали и Эфиопии и колебания президента по поводу развертывания работ над нейтронной бомбой.

Один из демократов, работавший в Госдепартаменте при администрациях Кеннеди и Джонсона, назвал выступление Буша «упрощенческим» и «невежественным». Буш, разозлившись, заявил в ответ, что демократ «самонадеян» и «мягок», как и либеральная внешняя политика, которую вело представляемое им ведомство, — ничего удивительного, что эти политики потерпели крах!

Существование Команды Б и то, что Рональд Рейган чуть не победил Форда в 1976 году, показывало, что центр республиканской партии переместился на Юго-Запад и что он поправел. Интернационалистское атлантическое крыло партии теряло почву, уступало ее более консервативным элементам. В 1978 году Буш публично подал в отставку со своих постов в Трехсторонней комиссии и в Совете по международным отношениям, объявив их «слишком либеральными».

Когда Буш присягал в 1981 году в качестве вице-президента, он знал, что чистота его идеологических воззрений и его характер находятся под подозрением у сторонников Рейгана. А Рейган был преисполнен решимости поставить в известность Москву о том, что в Вашингтоне устанавливается новый, более жесткий режим. Ему не хотелось опровергать это утверждение, дав Бушу, славившемуся своей умеренностью, видную роль во внешней политике.

Вице-президент признавался — правда, лишь в частных беседах, — что ему было не по себе от резких высказываний и жестов, какие позволял себе Рейган по отношению к Советскому Союзу в начале первого срока их совместной деятельности. В ноябре 1982 года, когда умер Леонид Брежнев, Буш и его жена Барбара путешествовали по Африке. Буш надеялся, что Рейган пошлет его на похороны в Москву представлять Соединенные Штаты, но ему не хотелось создавать впечатление, что он этого добивается. И Буш рывкнул своему помощнику по национальной безопасности адмиралу Дэниелу Мэрфи: «Ничего не планировать!»

Когда Рейган поручил Бушу присутствовать на похоронах, Буш полетел во Франкфурт, где его ввел в курс дела молодой аналитик Роберт Блэкуэлл, специалист по Советскому Союзу в ЦРУ.

Блэкуэлл с презрением относился к широко распространенным слухам о том, что новый советский руководитель — Юрий Андропов, бывший председатель КГБ, — является втайне американофилом, который обожает читать романы Жаклин Сюзанн и попивать виски; Блэкуэлл считал, что Андропов может стать сильным лидером и постарается использовать свой «недюжинный интеллект», чтобы восстановить «социалистический порядок и дисциплину», хромавшие при Брежневе.

Встретившись с Андроповым в Москве, Буш пошутил, что они «были в одном деле», возглавляя разведку. Позже вице-президент уединился с послом Артуром Хартманом, госсекретарем Джорджем Шульцем и их помощниками в Спасо-хаус, официальной резиденции американского посла. Им была предложена икра с шампанским. Хартман предупредил своих гостей, что старинный особняк прослушивается. Вице-президент заметил, что находит нового советского лидера непримиримым и твердым: «По-моему, он умный. Возможно, мы сумеем с ним поладить. Но надо быть осторожными».

В феврале 1984 года, когда Андропов умер от почечной недостаточности, Рейган попросил вице-президента снова полететь в Москву. В личном отсеке Буша на борту самолета №

2 Роберт Блэкуэлл ознакомил вице-президента с краткой справкой ЦРУ о новом советском руководителе – Константине Черненко. Блэкуэлл признался, что в ЦРУ поражены назначением Черненко на высшую должность в Кремле, особенно после того, как он проиграл этот пост Андропову в 1982 году.

А многие в Вашингтоне помнили, как Черненко подносил спичку к сигарете Брежнева, когда тот пытался сократить курение. В ЦРУ Черненко окрестили «слабохарактерной сестрой». Но даже Черненко, выступая в 1982 году в Тбилиси, предупреждал, что Советский Союз находится на грани внутреннего кризиса.

Помощник Буша по национальной безопасности, бывший сотрудник ЦРУ Дональд Грегг, сказал вице-президенту, что финская разведка считает семидесятидвулетнего Черненко фигурой переходной. После его смерти начнется грандиозная борьба за будущее Советского Союза между консервативно настроенным руководителем ленинградской партийной организации Григорием Романовым, которого финны, будучи близкими соседями, достаточно хорошо знали, и человеком, от которого можно ждать поворота к лучшему, – «этим новым малым Михаилом Горбачевым».

В Москве, увидев уже больного Черненко на трибуне мавзолея Ленина, и притом достаточно близко, вице-президент понял, что скоро ему придется снова приезжать сюда на похороны. Свою фотографию жене посла Хартмана Донне он надписал: «Следующие похороны – за мой счет. (Никому не показывать.)» А сотрудникам посольства шутливо заметил: «Скоро увидимся – в то же время, в будущем году!»

Перемена в советском руководстве и приближение президентских выборов в 1984 году побудили Рейгана предложить Черненко встречу на высшем уровне, желательно в июле, до съездов обеих политических партий. Демократы уже сетовали на кризис в американо-советских отношениях и на то, что Рейган – первый президент со времен Герберта Гувера, который не встречался со своим советским коллегой.

Буш всячески подталкивал президента к проведению встречи в верхах. Он предложил Рейгану – для выяснения позиции советской стороны – послать в Москву с личным письмом к Черненко генерала Брента Скоукрофта, который был советником Джералда Форда по национальной безопасности. Рейган согласился. Однако, когда Скоукрофт прибыл в Москву, никто из высших советских чиновников не пожелал с ним встречаться. Один из них спросил посла Хартмана: «Если нам хотят что-то сообщить, почему не сообщают официально?» Черненко отклонил предложение президента о встрече в верхах.

В марте 1985 года Черненко умер. В Женеве, по пути в Москву, Буш узнал, что новым руководителем будет Горбачев. Роберт Блэкуэлл, встретивший вице-президента в Москве, напомнил, что ЦРУ многие месяцы предсказывало приход Горбачева к власти: Горбачев ведь уже был вторым человеком в советской коммунистической партии; начальником его был Андропов.

Американцы, сопровождавшие Буша, шутили, что они теперь уже досконально знают церемонию похорон: сначала надо пройти перед гробом, затем будет военный парад на Красной площади, затем прием в Георгиевском зале и, наконец, ужин со спагетти в Спасо-хаус, приготовленный превосходным итальянским поваром.

Вице-президент и Блэкуэлл были потрясены тем, что москвичи, казалось, с радостью избавлялись от своих «немогущих старцев». Они видели, как всего через полчаса после похоронной процессии рабочие срывали портреты Черненко и бросали их. Буш заметил, что их хозяева, похоже, едва могли дождаться захоронения старика, чтобы скорее вручить судьбу своей страны новому, пятидесятичетырехлетнему лидеру.

Горбачев принял Буша и госсекретаря Шульца в Екатерининском зале. В своем сорокапятиминутном монологе он сказал, что Советский Союз не заинтересован в конфронтации с Соединенными Штатами. Он выразил надежду, что Вашингтон будет вести с Советским

Союзом серьезные переговоры в Женеве по поводу ядерных вооружений. После этой встречи Блэкуэлл предсказал Бушу, что Горбачев будет действовать быстро. На это указывала, в частности, его самоуверенность, а кроме того, военные стали реже, чем прежде, появляться на советском телевидении. Вице-президент согласился, что они имеют тут дело с «чем-то другим». В противоположность Брежневу, Андропову и Черненко Горбачев – «очень обходителен»...

В октябре 1986 года Рейган встретился с Горбачевым в Рейкьявике, где советский лидер, ко всеобщему удивлению, внес предложение о существенном сокращении атомных арсеналов обеими странами. В декабре 1987 года Горбачев прибыл с визитом в Вашингтон, где они с Рейганом подписали договор о ликвидации ядерных ракет среднего радиуса действия. В один из трех дней, в течение которых проходила встреча в верхах, Буш прибыл в советское посольство на Шестнадцатой улице – на завтрак с блинами и икрой. На завтрак Буша сопровождали его сторонники по предстоящей кампании по выборам президента, в том числе Джон Сунуну, боевой, крайне антисоветски настроенный губернатор Нью-Гемпшира, регулярно отмечавший День венгерских борцов за свободу и День освобождения Литвы – в 1987 году отмечать это еще было чудаковатым донкихотством. Стремясь избежать полемики, Сунуну восхвалял перед Горбачевым научные достижения американцев и русских.

После встречи Горбачев предложил Бушу подвезти его в Белый дом на своем лимузине.

«Располагайтесь в моем танке!» – сказал он, когда они сели. Тогда вице-президент сказал: «Как жаль, что вы не можете остановиться и зайти в один из магазинов, – я думаю, американский народ тепло встретил бы вас».

Они только проехали мимо толпы на углу Коннектикут-авеню, как Горбачев сказал шоферу: «Останови машину». Он вышел из лимузина и воскликнул по-русски: «Я хочу поприветствовать вас!» В толпе многие от изумления раскрыли рот, а Горбачев стал пожимать людям руки. Тут и Буш вышел из машины, чтобы сняться с ним, но камеры – да и толпа – были нацелены только на Горбачева.

Они поехали дальше, к Белому дому, и Буш, явно находясь под впечатлением от общения гостя с народом, спросил: «Вы часто этим занимаетесь?» Горбачев ответил: «Я поступаю так в Москве и поступаю так всякий раз, как выезжаю на периферию... Руководители не должны отрываться от народа».

По мере приближения конца своего правления, улыбчивый и радостно-дружелюбный Рейган невольно служил все более четким фоном для Буша, который усиленно старался казаться менее поддавшимся обаянию Горбачева и более склонным жестко торговаться с Кремлем. Во время посещения Рейганом Москвы в июне 1988 года произошел знаменитый случай, когда Горбачев на Красной площади взял на руки маленького мальчика и велел ему «поздороваться за руку с дедушкой Рейганом». Один из журналистов спросил потом Рейгана, считает ли он Советский Союз по-прежнему «империей зла». Президент ответил: «Нет, я имел в виду другое время, другую эпоху».

А Буш, отдохнувший в своем доме в Кеннебанкпорте, штат Мэн, пел совсем другую песню: «Холодная война» не кончилась», – оповестил он репортеров. На следующий месяц Буш снова выступил с предупреждением против «наивно-оптимистического, исполненного эйфории взгляда на дальнейшее развитие событий». Во время осенней кампании он говорил, что будет «оказывать давление на Москву с целью дальнейших перемен». Он выступал против сокращений в бюджете на оборону и на Стратегическую оборонную инициативу (СОИ), любимый проект Рейгана по созданию в космосе противоракетного щита. В своих первых дебатах с кандидатом от демократической партии Майклом Дукакисом Буш настаивал на том, что «по советскому эксперименту еще не вынесено суждения».

В декабре 1988 года, после выборов, Рейган в последний раз встретился с Горбачевым в качестве президента за завтраком на станции береговой охраны США на Губернаторском острове, в гавани Нью-Йорка. Буш согласился присутствовать, но на вторых ролях.

Утром Горбачев выступил в ООН со своей важнейшей речью. Он заявил, что «применение силы или угроза ее применения» не может больше быть «инструментом внешней политики». Он объявил о своем намерении сделать военную доктрину СССР чисто оборонительной и убрать из Восточной Европы полмиллиона советских солдат, а также большое количество танков, артиллерии и военных самолетов.

Перед завтраком репортеры попросили Рейгана высказаться по поводу инициативы Горбачева, и Рейган сказал: «От души одобряю». Буш продолжал держаться той же линии, что и предшествующие восемь лет, только на сей раз с оттенком высокомерной иронии. «Я поддерживаю то, что сказал президент», – заявил он. А Горбачев, стремясь добиться расположения только что избранного президента, с широкой улыбкой заметил: «Это один из лучших ответов, какие я слышал в этом году!»

В ответ на замечание Рейгана, что, по данным последнего опроса, 85 процентов американцев поддерживают новый характер отношений, установившихся с Москвой, Горбачев вновь обратился к Бушу и сказал: «Мне приятно это слышать. Игру эту следует назвать «Продолжение следует». В ходе беседы вице-президент вдруг не выдержал: «Какие вы можете дать мне заверения, что перестройка и гласность будут успешны, чтобы я мог сообщить об этом американским бизнесменам, желающим вложить средства в Советском Союзе?»

Горбачев гневно посмотрел на него и отрезал: «Вы достаточно скоро убедитесь, что я *ничего* не делаю напоказ, и если что-то делаю, то не с целью подорвать ваши позиции, поразить вас или использовать».

Я занимаюсь реальной политикой. Я так поступаю, потому что это необходимо. Я так поступаю, потому что в моей стране происходит революция. И я ее начал. И все аплодировали мне, когда я ее начал в 1986 году, а теперь не всем это так уж нравится. Тем не менее революция произойдет...».

В воскресенье, 18 декабря 1988 года, Генри Киссинджер вошел в Малый кабинет вице-президента в Западном крыле для спокойного разговора с избранным президентом, Бейкером и Скоукрофтом. Киссинджер сказал Бушу, что он может стать «первым президентом, обладающим реальной возможностью положить конец «холодной войне».

– Почему бы нам исподволь не начать переговоры о сделке? – предложил Киссинджер. – Пусть Горбачев пообещает не использовать силу для подавления реформ и либерализации в Восточной Европе, а Запад в обмен пообещает не использовать экономические и политические перемены, которые там произойдут, в ущерб интересам безопасности Советского Союза.

Например, – сказал Киссинджер, – Запад может взять на себя обязательство не использовать Восточную Европу в качестве базы для ведения тайных разведывательных операций против Советского Союза. Он может заявить, что отказывается от дальнейших попыток выманить восточноевропейские страны из Варшавского пакта. А Горбачев, не имея возможности применить военную силу, вероятнее всего даст Восточной Европе возможность глотнуть политической свободы, что ей необходимо для воссоединения с Западом.

Предложение было классически киссинджеровское: с помощью тайной дипломатии на высоком уровне достичь договоренности, основанной на равновесии сил. Киссинджер дал понять, что не возражает отправиться с такой миссией к Горбачеву – это позволило бы ему вновь очутиться в центре американско-советских отношений, особенно при том, что Скоукрофт, его давний друг и протеже при администрации Никсона и Форда, сидит в Совете национальной безопасности, а в Госдепартаменте внешней политикой занимается неопит Бейкер.

Буша заинтересовала идея Киссинджера, и он поручил ему отвезти в Москву письмо Горбачеву за своей подписью. Бывший госсекретарь был в восторге. В январе, за неделю до вступления президента в должность, Киссинджер вылетел в советскую столицу.

События в Восточной Европе уже начали подтверждать озабоченность Киссинджера предстоящей конфронтацией между вновь пробуждающимися демократическими силами и

твердокаменными режимами. В понедельник, 16 января 1989 года, в Праге произошли аресты среди демонстрантов, вышедших на улицу, чтобы отметить двадцатую годовщину самосожжения Яна Палаха, студента, покончившего с жизнью в знак протеста против советского вторжения в 1968 году.

Было арестовано восемьдесят человек. Среди арестованных находился драматург-диссидент, которого затем приговорили к девяти месяцам тюрьмы за «подстрекательство к беспорядкам». Это был Вацлав Гавел.

А в Москве в этот день Киссинджер встречался в Кремле с ближайшим помощником Горбачева – Александром Яковлевым. Яковлев был одной из ключевых фигур в мозговом центре Горбачева, главным пропагандистом и теоретиком «гласности». Он учился по обмену в Колумбийском университете в конце 50-х годов, затем был послом в Канаде в начале 80-х, превосходно говорил по-английски.

Яковлев предупредил Киссинджера, что определенные деятели коммунистической партии, придерживающиеся жесткой линии, недовольны политикой Горбачева. На закрытых заседаниях они жестоко критикуют его за то, что он отходит от социализма и продается Западу. Яковлев дал понять, что Горбачеву и его коллегам-реформаторам нужны признание и поощрение со стороны Запада, чтобы иметь возможность проводить свою программу в стране.

Киссинджер ответил, что улучшение американо-советских отношений при Рейгане было в значительной мере косметическим. Настало время насытить их большим содержанием. Он заметил, что хорошо знаком с Бушем и недавно встречался с избранным президентом и его главными советниками. Далее он сказал, что хочет сделать одно предложение, которое следует считать полуофициальным, поскольку Буш благословил его на это.

Ситуация в Европе, сказал Киссинджер, опасно нестабильна. Политическая эволюция вполне может перейти в революцию, а это, в свою очередь, может породить международную конфронтацию. Киссинджер вызвал к жизни двуликий призрак, который, как он знал, не может не напугать любого советского человека: в Восточной Европе начнутся-де попытки высвободиться из тенет, привязывающих эти страны к Советскому Союзу, а к этому может добавиться возрождение германского национализма, что, вероятно, побудит ФРГ с еще большим рвением использовать сложности, существующие между Восточной Германией и Кремлем.

Киссинджер высказал предположение, что, если перед Советским Союзом встанет перспектива «потерять» Восточную Европу – особенно Восточную Германию, – СССР может счесть необходимым применить силу с целью укрепить свои позиции в этом регионе. Это вызовет ту или иную достаточно сильную реакцию со стороны Соединенных Штатов. Киссинджер напомнил, что в начале XX века великие державы вовсе не собирались начинать Первую мировую войну, и тем не менее кризисные ситуации вызвали цепную реакцию, так как никто не знал пределов допустимого.

С целью избежать сейчас такой опасности Киссинджер предложил провести между США и СССР переговоры на высоком уровне, чтобы достичь взаимопонимания по ряду вопросов, – в одних случаях официально, в других – неофициально. В ходе этих переговоров будут установлены пределы того, на что может Советский Союз пойти для защиты своих интересов в Восточной Европе; Запад же в обмен пообещает ничего не предпринимать для ускорения перемен на Востоке, в особенности если такого рода действия могут быть восприняты в Кремле как угроза безопасности СССР.

Киссинджер сказал, что сверхдержавы не могут остановить ход истории, но они могут помешать взрывоопасному развитию событий. Он повторил, что обсуждал свою идею с людьми, которые будут работать в формирующейся администрации. Эти люди готовы к честному диалогу. Какой ответ он должен отвезти в Вашингтон?

Яковлев ответил, что Кремль готов начать с администрацией Буша подробное обсуждение мер, которые будут регулировать процесс перемен в Европе и преуменьшат разрушитель-

ное влияние этих перемен на отношения между Востоком и Западом. Яковлев высказался за то, что обе страны – Соединенные Штаты и Советский Союз – заинтересованы в сохранении статус-кво в Европе на ближайшее будущее.

Киссинджер согласился, однако добавил, что в Соединенных Штатах это будет трудно отстаивать: американское общественное мнение никогда не позволит правительству США столь явно согласиться с тем, чтобы Восточная Европа оставалась под господством Советов.

Двумя днями позже, в среду, 18 января, Горбачев пригласил Киссинджера в свой парадный кабинет в Кремле. С советской стороны присутствовали лишь переводчик и Анатолий Добрынин, бывший в течение двадцати трех лет послом в США и тесно сотрудничавший с Киссинджером, когда оба находились на командных постах в Вашингтоне. Теперь Добрынин был советником Горбачева.

Киссинджер вручил Горбачеву письмо от Буша, в котором тот заверял Горбачева, что прогресс в советско-американских отношениях, начатый при Рейгане, будет продолжаться... но не сразу. Избранный президент писал, что он надеется, Горбачев поймет: новой администрации необходимо какое-то время, чтобы разобраться в советско-американских отношениях, все взвесить и рассмотреть варианты направления политики.

Киссинджер изложил свое предложение достичь договоренности по Восточной Европе. Заинтересована ли советская сторона в таком соглашении? Горбачев пригнулся к столу и, приподняв бровь, слегка усмехнулся. «Я просматриваю за этим вопросом другой вопрос», – сказал он. Он-де подозревал, что Буш через Киссинджера пытается заставить его открыть, в какой мере он намерен отказаться от советского контроля в Восточной Европе.

Киссинджер ответил, что у него «нет никакой тайной повестки дня», это его собственная идея, правда, она заинтересовала избранного президента, и он разрешил Киссинджеру попытаться выяснить реакцию Горбачева. Получив такое заверение, Горбачев сказал, что эту идею, пожалуй, стоит рассмотреть и, если потребуется обратная связь, Киссинджеру следует иметь дело с его старым другом Добрыниным. Киссинджер преисполнился надежды, что его план может сработать.

После ухода Киссинджера Горбачев перечитал письмо Буша. Пришел Анатолий Черняев, главный помощник Горбачева по иностранным делам, старый партийный аппаратчик, работавший главным образом в международном отделе ЦК; Горбачев знал его с пятидесятых годов. Черняев был из тех чиновников, кто не высовывается. Он никогда не отличался выступлениями в защиту реформ, хотя люди, знавшие его еще во времена Хрущева, помнят, что он высказывал в частных беседах довольно либеральные взгляды и дружил с некоторыми политическими диссидентами.

Черняев сказал, что в письме Буша есть «определенное противоречие»: Буш обещает следовать курсу Рейгана, однако намекает, что может внести изменения в американскую политику. Тем не менее Горбачев был весьма доволен тем, что Буш, не теряя времени, связался с ним: какой еще только что избранный американский президент писал советскому лидеру прежде, чем в его распоряжении появилась бумага со штампом Белого дома? И Горбачев написал ответ Бушу, предлагая работать вместе ради «мира во всем мире»...

В четверг, 19 января, Буш позвонил Меридиту Прайсу, редактору «Эндовер буллетин», журнала, издаваемого студентами колледжа, где он учился, в ответ на его просьбу дать интервью. Прайс спросил, что, по мнению Буша, скажут историки о его президентстве, и Буш ответил: «Оставил все после себя в несколько лучшем положении, чем когда пришел. Америка при нем была сильной и неукоснительно двигала вперед демократию». И далее:

«Я говорю «неукоснительно», так как не думаю, чтобы какой-либо серьезный ученый, занимающийся мировой политикой, решил, посмотрев на нашу страну, что шансы социализма или коммунизма в ней повышаются. Я думаю, большинство людей видит, что стимулы частной собственности и свободы, о которых мы думаем, когда думаем о демократии, находятся в

процессе расширения, и мне хотелось бы сохранить эти тенденции, с тем чтобы Соединенные Штаты были в них застрельщиками. Так что надеюсь, в конечном счете историки скажут: «Он был не таким, как все. Он старался, как мог».

На следующий день в своем обращении к народу в связи с вступлением в должность Буш нарисовал образную картину своего представления о ценностях и о настроениях в мире: «Эпоха диктаторов окончена. Эра тоталитаризма проходит – его устарелые идеи облетают, словно листья со старого, умирающего дерева... Мы знаем, что движет людьми, – людьми движет *свобода*. Мы знаем, какой путь правилен, правильный путь – это *свобода*. Мы знаем, как обеспечить более справедливую и обеспеченную жизнь людям – с помощью свободного рынка, свободных выборов, свободы слова и свободы волеизъявления, которому не препятствует государство».

В воскресенье, 22 января, Brent Скоукрофт поспешил заявить, что у него и у его босса нет никаких иллюзий насчет Горбачева. Выступая по Эй-би-си в программе «Неделя с Дэвидом Бринкли», Скоукрофт сказал, что Горбачев, похоже, «заинтересован в том, чтобы внести разлад в Западный альянс. И, по-моему, он считает, что наилучшим способом осуществить это является мирное наступление, а не угрозы, к каким прибегали некоторые его предшественники».

«Пока у нас не будет доказательств обратного, – сказал Скоукрофт, – мы должны исходить из этого предположения... Я считаю, что «холодная война» не окончена. Как говорится, может забрезжить свет в конце туннеля. Но, думается, все в какой-то мере зависит от того, будет ли это свет солнца или же фары приближающегося паровоза».

Дав Скоукрофту выступить в роли злого полисмена, Буш сыграл роль полисмена доброго. В понедельник, 23 января, утром, он попросил Скоукрофта устроить телефонный разговор с Горбачевым. Буш сказал, что хочет «установить контакт – просто отметить у этого малого».

Телефонный разговор президента с советским лидером был делом необычным, но решение сделать такой звонок характерно для Буша. Дело в том, что земной шар представлялся ему в виде цветных карт-указателей в своеобразном путеводителе. С разными цветами на глобусе у Буша были связаны представления не только о странах, но и о президентах, королях и премьер-министрах, многих из которых он хорошо знал и ко многим обращался по имени. При возникновении кризиса Буш первым делом инстинктивно хватался за телефон.

Когда Буша соединили с Москвой, он заверил Горбачева, что не допустит никаких «затяжек», хотя и собирается глубоко переосмыслить американские отношения с Советским Союзом. Сразу после звонка Буша Горбачев сказал нескольким своим помощникам, что новый американский президент, похоже, готов считаться с историческими силами и разбираться с мировыми проблемами напрямую, «как водится между людьми».

«Он идет в нашу сторону. Вот и пусть идет...»

В конце января 1989 года Буш, беседуя со Скоукрофтом в Овальном кабинете, сказал, что ему хотелось бы получить ответ на вопрос о том, «каким должен быть мир в будущем столетии и что мы должны сделать, чтобы этого достичь. Я хочу совершить что-то важное, но продвигаться я хочу осторожно. Я не хочу делать глупости». Он выразил желание «посидеть с нашими лучшими экспертами по Советскому Союзу и послушать, что они думают, – выяснить их мнение о Горбачеве».

Скоукрофт поручил устроить такой семинар своему тридцатичетырехлетнему эксперту по Советскому Союзу Кондолизе Райс, профессору-политологу из Стэнфорда. Она родилась в Бирмингеме, штат Алабама, известном своей сегрегацией, и училась вместе с одной из четырех девочек, погибших при взрыве бомбы в церкви для черных в 1963 году. Ребенком Кондолиза ездила со своими родителями в Вашингтон и помнит, как их не пускали во многие мотели и рестораны по пути. В Вашингтоне отец сфотографировал ее на фоне Белого дома. И она сказала: «Когда-нибудь я там буду».

Вначале Райс хотела стать концертирующей пианисткой, но потом поступила в университет Денвера, переключилась на политические науки и получила докторскую степень, написав диссертацию о вооруженных силах Чехословакии; затем стала специализироваться по секретной деятельности Генерального штаба Советского Союза. Выступая с лекциями в Советском Союзе, она поражала слушателей своей осведомленностью: эта черная американка рассказывала русским об их собственном военном командовании то, чего они не знали сами, – причем на превосходном русском языке.

Итак, Райс составила список ученых – экспертов по советским делам и наметила семинар на март. В пятницу, 10 февраля, Буш прилетел в Кеннебанкпорт, штат Мэн, из Оттавы после своего первого визита за границу в качестве президента и, решив не откладывать семинар надолго, попросил Скоукрофта назначить его на конец недели. Райс села за телефон.

Каждое лето в своей жизни, кроме одного, Буш проводил в доме, построенном в 1903 году в Уокерс Пойнт его дедом по материнской линии Джорджем Гербертом Уокером. Буш называл этот дом «силой, цементирующей нашу семью», «священным местом».

В воскресенье, 12 февраля, Буш в бейсбольном кепи, свитере, поношенных бумажных брюках и туфлях для бега провел шестерых специалистов по Советскому Союзу в свою спальню – одну из немногих комнат в доме, которая отапливалась зимой. Помимо Райс, здесь были Адам Улам из Гарварда, Маршалл Голдмен из Уэлсли и Центра русских исследований Гарварда, Стивен Мейер из Массачусетского технологического института, Роберт Пфальцграфф из университета Тафта и Эд Хьюэтт, работавший тогда в институте Брукинса. Поскольку большинство ученых преподавали в университетах, расположенных в Кембридже, штат Массачусетс, и вокруг него, им нетрудно было быстро приехать в Мэн.

Президент, стоя на фоне холодных античных вод и белесого, серого неба за запотевшими окнами, сказал: «Мы должны внимательно рассмотреть нашу политику в отношении Советского Союза. Я хочу услышать ваше мнение о том, что там происходит. Меня не слишком интересуют рекомендации относительно политики как таковой. Это может подождать. Для начала надо знать, что там происходит, с чем мы имеем дело».

Эксперты согласились, что Горбачев взялся за проведение коренных реформ; он начал процесс более значительный, чем он сам, – такой процесс, который сторонникам жесткой линии трудно будет повернуть вспять. Критикуя культ личности Сталина, он создал свой собственный «культ власти», сделав себя олицетворением перестройки, и теперь, пользуясь той силой, какую дает ему этот культ, он урезает власть партии и московского аппарата. Райс сказала: «Любому, кто придет на смену Горбачеву, трудно будет спрятать джинна назад в бутылку».

«Никогда не говорите «никогда»!» – с легкой усмешкой посоветовал Скоукрофт. Ученые согласились с тем, что перестройка может дать рикошет – государственный переворот, осуществленный против Горбачева сторонниками жесткой линии в партии, армии и КГБ. Вполне может оказаться, что советская система не поддастся реформации.

Райс сказала, что экономические эксперименты и прочие формы независимости, которые Горбачев поощряет в Восточной Европе, могут подогреть антикоммунистические и антисоветские настроения до такой степени, что страны-сателлиты выйдут из-под его контроля.

Буш спросил, могут ли Советы в какой-то момент использовать войска для утверждения своего контроля в Восточной Европе. Несколько экспертов ответили, что в плане политическом Горбачеву придется тогда заплатить «астрономическую» цену. Голдмен сказал, что, даже если не произойдет полного раскола, но перемены в Восточной Европе произойдут слишком быстро, это может «отозваться» в Советском Союзе. Советские республики могут потребовать либерализации и автономии.

А могут ли Соединенные Штаты использовать свои рычаги, чтобы добиться уступок по правам человека, спросил президент? Голдмен и Хьюэтт предупредили против каких-либо явных попыток эксплуатировать слабость Советского Союза: это может явиться подарком сторонникам жесткой линии в СССР.

Они привели в качестве примера поправку Джексона – Вэника. Эта мера, принятая конгрессом в середине семидесятых годов и все еще действующая, ставит предоставление СССР в экономике режима «наибольшего благоприятствования» в зависимость от ослабления Кремлем ограничений на эмиграцию советских евреев. Разъярившись на этот «шантаж» со стороны США, Леонид Брежнев в ответ резко сократил выезд евреев.

Хьюэтт заявил, что, поскольку советские евреи снова выезжают сейчас в больших количествах, Соединенные Штаты должны вознаградить Советский Союз за это движение в направлении реформ, прекратив действие поправки Джексона – Вэника. И добавил: «Мы не должны привязывать нашу политику к Горбачеву-человеку. Это может разжечь надежды общественности на Западе, и, если у Горбачева произойдет остановка сердца, США окажутся в сложном положении». Скоукрофт согласился с этим.

Во время передышки, устроенной на кухне, президент отложил рассмотрение вопросов высокой политики и поделился своими впечатлениями о советских людях, с которыми ему удалось познакомиться. Он рассказал гостям о своих встречах с жесткой, волевой женой Горбачева Раисой, которую он нашел «отнюдь не обаятельной». А через несколько дней, когда Буш вернулся в свой Овальный кабинет, он сказал помощникам, что воскресный семинар оказался одним из лучших на его памяти: «Если я могу узнать столько полезного за выходной день, вы только подумайте, сколько мы можем совершить за то время, когда предполагается, что мы работаем!»

В понедельник, 13 февраля, Буш сел за стол, сделанный из досок английского корабля «Резолют», – стол этот служил Джону Кеннеди и был возвращен в Овальный кабинет Рональдом Рейганом, – и, надев свои авиационные очки со стеклами без оправы, стал просматривать четырехстраничную секретную директиву, которую ему принесли на подпись.

В директиве говорилось, что политика сдерживания, которую Америка проводила в течение сорока лет, «оправдала себя». Однако СССР продолжает оставаться «противником с устрашающей военной мощью». И было бы «безрассудно отказаться от политики, которая позволила нам пройти столь большой путь». Директива была подготовлена Скоукрофтом и его аппаратом, в ней Госдепартаменту предлагалось «проанализировать с точки зрения национальной безопасности» политику США по отношению к Советскому Союзу и предложить те изменения, которые Буш мог бы осуществить в последующие четыре или восемь лет. Рекомендации под условным названием «Анализ национальной безопасности-3» должен лежать у президента на столе к середине марта.

Ни одному президенту не приходилось еще иметь дело с таким Советским Союзом, чье будущее, как и руководство страной, были бы столь неопределенны. Буш надеялся, что «Анализ национальной безопасности-3» даст ему время обдумать отношения с СССР и защитит его в начале пребывания на посту президента от нажима общественного мнения. Он хотел быть уверенным, что его политика выживет при любых случайностях.

Скоукрофт сказал своим коллегам: «Марксистско-ленинской угрозы в идеологии и в экономике больше не существует. Тут мы одержали победу. Осталась еще значительная военная угроза, но даже и тут дело меняется. Поэтому для коренного изменения унаследованного нами подхода к этим проблемам недостаточно четырех лет. Там возникает новый мир. И нам надо задаться вопросом, где мы хотели бы быть в конце века и какой политический курс приведет нас туда».

В Госдепартаменте были люди, подозревавшие, что Скоукрофт подsunул президенту «Анализ национальной безопасности-3», чтобы очернить их департамент и дать возможность Совету национальной безопасности укрепить свое влияние на внешнюю политику администрации Буша. Розанн Риджуэй была убеждена, что готовящийся документ будет использован для разгрома и дискредитации политики ее бывших начальников – Рейгана и Шульца. И винила она в этом Джеймса Бейкера.

Бейкер считал, что Шульц проявил мягкотелость в ходе переговоров в последний год своего пребывания на посту, оплачивая сделанные Советами уступки, хотя Горбачев вполне мог сделать их бесплатно. Чиновники из администрации Буша, анонимно выступая перед репортерами, повадились называть Шульца «худшим госсекретарем со времен Стеттиниуса»...

Между тем, в отношениях между Советами и Соединенными Штатами видную роль играл еще один человек. В начале шестидесятых годов премьер-министр Гарольд Макмиллан пытался – но тщетно – сделать Великобританию посредником между СССР и США. По иронии судьбы преуспела в этом энергичная Тэтчер. Она была откровенна с Рейганом, Шульцем и другими американцами в своих рекомендациях, как вести себя с Советами. В феврале 1989 года она сказала Бейкеру: «Не тяните. Не давайте посевам оставаться под паром».

Бейкер покачал головой и сказал: «Слишком высоки ставки, слишком сложны проблемы, чтобы мы вышли неподготовленными. К тому же у нас есть время. Если то, что происходит в Советском Союзе, так важно, как вы полагаете, этот процесс не кончится в следующий вторник». Он утверждал, что реформы, проводимые Горбачевым, с каждым днем приближаются к черте, после которой нет возврата. Положительная реакция на действия Горбачева вовсе не требует того, чтобы пройти полпути ему навстречу: «Он *идет* в нашу *сторону*. Вот и *пусть* идет».

Тэтчер была первой из западных руководителей, публично заявивших, что Горбачев – советский лидер совсем другого типа. Осенью 1984 года, когда стало ясно, что Черненко уже не жилец на этом свете, она пригласила в Лондон двух человек, которые рассматривались в качестве главных претендентов на освобождающееся место: Михаила Горбачева и Григория Романова. Горбачев принял приглашение, и британцы сочли это признаком того, что скорее всего именно он получит этот пост.

Во время первого разговора с Горбачевым в декабре 1984 года в Чекере, официальной загородной резиденции Тэтчер, она прочла предполагаемому будущему советскому лидеру лекцию о том, как, с точки зрения тори, следует править в современном обществе: «Господин Горбачев, вы *должны* децентрализовать власть. Не позволяйте экономическим министрам править всем!»

Горбачев внимательно ее слушал, отмахиваясь от помощников, напоминавших о том, что он опаздывает на следующую встречу. После беседы с Горбачевым премьер-министр, выступая по телевидению, произнесла всего девять слов, тщательно подобранных ее помощником по иностранным делам Чарлзом Пауэллом: «Мне *нравится* господин Горбачев. С ним можно

делать дела». Такая оценка из уст «железной леди капитализма», как ее называли в советской прессе, успокоила западных лидеров, которых волновала смена руководства в СССР.

После того как Горбачев пришел к власти, его отношения с Тэтчер подогрелись не только ее готовностью ручаться за него перед всем светом, но и той откровенностью, с какой они беседовали о политике, идеологии, экономике и международных отношениях. Тэтчер говорила Горбачеву о том, «какая страшная вещь» – коммунизм. Советский Союз, утверждала она, повинен во многих бедах XX века...

Давний специалист по Советскому Союзу Джек Мэтлок, посол США в СССР, также высоко оценивал значение того, что делал Горбачев для изменения баланса сил в мире. При Мэтлоке Никита Хрущев зачинал «гласность» в конце пятидесятых годов, а в начале шестидесятых уже обрушился на художников и писателей. Да и меры, принятые Хрущевым по децентрализации сельского хозяйства и промышленности и сокращению вооружений, – то, что советские люди называли теперь «первой перестройкой», – были осуждены и оценены коммунистами-ортодоксами, сместившими его в 1964 году, как «безмозглые».

Мэтлок свободно владел русским языком и слушал высказывания советских граждан, чья жизнь менялась коренным образом. Консульские работники сообщали ему в конце долгого рабочего дня, как много советских граждан стали вдруг получать разрешение выехать на Запад. Вернувшись к себе в Спасо-хаус, Мэтлок включал телевизор и смотрел, как дотошный репортер сует микрофон под нос отнюдь не веселому местному партийному боссу и спрашивает, почему в таком жутком состоянии находится социальная сфера, или слушал беседу седобородого священника русской православной церкви, рассказывавшего о христианской доктрине бессмертия души.

В перелетах между Москвой и Вашингтоном Мэтлок всегда возил с собой кипу журналов и газет. Он читал статьи в «Советской культуре» о нелепости государственной монополии в производстве и распределении; в «Правде» – о некогда еретическом постулате, что интересы человечества выше противостоящих друг другу интересов рабочего класса и буржуазии; в «Известиях» – о том, как Запад был прав, считая, что сталинская внешняя политика после Второй мировой войны угрожала ему.

Мэтлок пессимистически смотрел на то, что Горбачеву удастся добиться успеха в своей собственной стране, а также удержаться у власти. Перестройка означала реформу цен, а это вело к инфляции. Возрастающая конкуренция в промышленности не могла не повлечь за собой безработицу. А гласность означала, что пресса будет сообщать об этих социальных бедах и сокрушаться. При этом демократизация позволит гражданам – и тем, кто способны покупать по более высоким ценам, и тем, кто лишились работы, – выбирать депутатов в советский парламент, а те в свою очередь смогут грозить кулаком Горбачеву и его министрам.

Тем не менее Мэтлок считал, что, какая бы судьба ни ждала Горбачева или отдельные части его программы, советская система уже коренным образом и весьма обнадеживающе изменилась и будет продолжать меняться, кто бы ни сел в Кремле.

В конце февраля Мэтлок уехал на несколько дней на дачу, принадлежащую американскому посольству в Тарасовке, с участком в пять акров, расположенным на берегу реки Клязьмы, в сорока пяти минутах езды от Москвы. Там, сидя в своей гостиной, выходящей окнами на березовый и хвойный лес, Мэтлок составил три длинные памятные записки, которые затем передал телеграммами в Вашингтон.

Первая касалась внутреннего положения страны; вторая характеризовала советскую внешнюю политику; третья содержала рекомендации Мэтлока относительно реакции США на происходящее. Из соображений секретности все это было написано от руки, и Мэтлок носил бумаги с собой: американские чиновники считали, что все принадлежащие посольству помещения прослушиваются КГБ, и если что-то печатается на электрической машинке, то по электронным импульсам можно восстановить текст.

В своих телеграммах Мэтлок делал акцент на состоянии экономики. Он утверждал, что Соединенные Штаты недооценивают свое «воздействие» на Горбачева, а именно: свою способность не «помогать» советскому лидеру, а подталкивать его в том направлении, каким он уже следует. Если администрация Буша займет положительную позицию в отношении улучшения двусторонней торговли и участия СССР в мировой экономике, это может побудить Советский Союз принять экономику свободного рынка.

Вернувшись в Вашингтон в начале марта, Мэтлок в разговоре с Робертом Блэкуиллом из Совета национальной безопасности рекомендовал устроить встречу Горбачева с Бушем по примеру встречи в верхах, состоявшейся в 1989 году между Горбачевым и Рейганом. Блэкуилл сказал в ответ: «Не знаю, Джек. Возможно, президенту и не следовало говорить, что империя зла отошла в прошлое. Вы никогда не думали, что подобного рода заявление сняло Советы с крючка?»

Мэтлок ответил, что Соединенные Штаты как раз и *не* должны снимать Советы с крючка. Но чтобы держать их на крючке, необходимо взять на себя повышенные политические и экономические обязательства.

Мэтлок высказал президенту свою точку зрения в пятницу, 3 марта, в Овальном кабинете. Президент уделил Мэтлоку двадцать минут, на протяжении которых посол уговаривал его провести встречу в верхах с Горбачевым до конца 1989 года. Мэтлок считал, что, если между встречами в верхах пройдет слишком много времени, повестка дня окажется чересчур перегруженной. Да и общественность будет слишком многого ожидать. Лучше предложить идею ежегодных встреч – это будет, по словам посла, «нормальной дипломатией на самом высоком уровне».

На той же неделе Бейкер полетел в Вену. В пышном барочном дворце Хофбург собрались тридцать пять делегаций для обсуждения проблем, связанных с пребыванием обычных вооруженных сил в Европе – размеры армий, а также количество и типы вооружений, противостоящих друг другу вдоль «железного занавеса».

В 1979 году НАТО, стремясь предотвратить возможность нападения на Западную Европу стран Варшавского пакта, решила разместить новое поколение ядерных ракет среднего радиуса действия. Эти новые американские ракеты, выдвинутые против Советского Союза, должны были противостоять новому классу советских ракет, уже нацеленных на Западную Европу. Кремль предпринял огромные усилия, чтобы помешать осуществлению этого американского плана.

В первый год своего пребывания на посту Рональд Рейган предложил «нулевой вариант» решения: НАТО не станет размещать свои ракеты, если все аналогичные ракеты будут убраны Советами. СССР отказался: с какой стати они должны убирать уже установленные системы в обмен на обещание Запада отменить свои планы на будущее?

Вице-президент Буш добился поддержки «нулевого варианта» в Западной Европе, где была широко распространена оппозиция размещению новых американских ракет. В январе 1983 года в Западном Берлине Бушу была устроена овация стоя после того, как он зачитал «открытое письмо» Рейгана к народам Европы, в котором президент предлагал встретиться с Юрием Андроповым и убедить его в достоинствах такой договоренности. В конце 1983 года, когда США стали в соответствии с графиком размещать свои ракеты, Советы в Женеве ушли с переговоров о ядерных ракетах среднего радиуса действия.

Придя к власти, Горбачев оказался гораздо более сговорчивым в отношении «нулевого варианта». Весной 1987 года он предложил расширить понятие «вооружения среднего радиуса действия» и включить в него ракеты радиусом действия в триста миль. Рейган согласился.

Многие западноевропейские лидеры забеспокоились, что Рейган слишком увлекся: а что если президент согласится даже на полную «деатомизацию» Европы. Следуя доктрине НАТО, существовавшей уже сорок лет, присутствие ядерных вооружений США считалось жизненно

необходимым для уравнивания двух преимуществ СССР – того, что Советский Союз расположен географически ближе к Западной Европе, чем США, и что у Варшавского пакта больше солдат под ружьем и больше танков и артиллерии, чем у НАТО.

Стремясь развеять эти страхи, администрация Рейгана заявила, что США не только оставят в Европе свои ядерные вооружения ближнего радиуса действия, но и усовершенствуют восемьдесят восемь ракет «Лэнс», размещенных в Западной Германии. Это успокоило многих стратегов в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Брюсселе и расстроило в Бонне.

Западногерманский канцлер Гельмут Коль знал, что ракеты «Лэнс» будут пущены в ход скорее всего в том случае, если НАТО будет проигрывать начальную стадию войны и командование Западных войск попытается остановить танковые колонны Советского Союза, уже успевшие глубоко проникнуть в Западную Германию. В результате от этих ракет погибнет больше западных немцев, чем тех, кто будет осуществлять вторжение. Коль опасался, что даже если ракеты «Лэнс» не будут пущены в ход, они явятся заманчивой целью для упреждающих ударов наступающих сил Варшавского пакта, которые могут ударить по ним, возможно, даже с применением советских ядерных вооружений.

США и их западные союзники, казалось, ступили на путь конфронтации. США настаивали на размещении новых ракет ближнего радиуса действия, в то время как в Западной Германии росли возражения.

Бейкер дал понять советским пропагандистам, «слабоумным» в Западной Европе и правым республиканцам в США, что новая американская администрация будет занимать твердые позиции не только в отношении своего советского противника, но, если потребуется, и в отношении своих западных союзников. На встрече со своим аппаратом Бейкер добавил, что «любая уступка» по ракетам «Лэнс» «явилась бы классическим скольжением под уклон», ибо Европа станет тогда свободной от ядерного оружия, что поставит под угрозу «всю стратегию, хорошо служившую НАТО на протяжении сорока лет». Это было преувеличением. По соглашению о ракетах ближнего радиуса действия, ядерные вооружения США по-прежнему защищали бы Западную Европу. Четыре сотни боеголовок, размещенные на подлодках США, были «предоставлены в распоряжение» НАТО, как и многие другие вооружения в этом районе...

В конце 1988 года, к удивлению Запада, Горбачев объявил о резком сокращении советских вооруженных сил. Вслед за своей знаменитой речью в ООН в декабре 1988 года, когда он пообещал сократить советские вооруженные силы на полмиллиона человек и на десять тысяч танков в течение ближайших двух лет, Горбачев объявил о десятипроцентном сокращении расходов на оборону. Кроме того, Кремль опубликовал подробные цифры о размерах своих вооруженных сил и начал выводить войска из стран Варшавского пакта.

В ответ на эти односторонние уступки Соединенным Штатам необходимо было изменить свою позицию. Скоукрофт сказал, что США могли бы выступить с предложением о выводе войск обеих сверхдержав из Европы: американские войска, размещенные в Западной Европе, возвращаются через Атлантику домой, а советские войска выводятся из Восточной Европы.

Соединенные Штаты ведь держат войска в Западной Европе исключительно для защиты своих союзников от атаки с Востока. Советские же войска находятся в Восточной Европе, чтобы держать страны Варшавского пакта в подчинении Кремлю. Советское влияние в Восточной Европе основано почти исключительно на пребывании там советских войск, тогда как американское влияние в Западной Европе основано на торговле, культурных обменах, наличии общих политических ценностей и институтов.

Таким образом, если обе сверхдержавы выведут свои армии из Восточной и Западной Европы, Соединенные Штаты и Запад получат львиную долю выгоды. А если удастся убедить Советов покончить с оккупацией Восточной Европы, народы этого региона, возможно, сумеют наконец пойти по пути подлинного самоопределения и даже воссоединения с Западом. Вот что означал «нулевой вариант» по обычным вооруженным силам в Европе.

Вскоре Скоукрофт начал давать задний ход. Блэкуилл безостановочно атаковал то, что он лишь полшутя называл «непродуманной схемой» Скоукрофта. Поддразнивая Скоукрофта, он говорил, что тот-де столько лет на протяжении своей карьеры занимался проблемами ядерной стратегии, что совсем забыл об основах обороны с помощью обычных вооруженных сил: «Живые люди сражаются на войне, и потому живые люди должны предотвращать войны. До тех пор пока Советский Союз находится в Евразии, а США нет, нам придется держать там войска. Вот если СССР передвинется на Багамские острова, можно будет подумать о том, чтобы перебросить наши войска назад, на эту сторону океана, но не раньше».

Касаясь того, что по плану Скоукрофта американские наземные войска должны быть убраны из Европы, а некоторое количество авиации должно быть там оставлено, Блэкуилл в шутку замечал, что на генерале сказывается узкопрофессиональная приверженность авиации, которая его взрастила: «Перед нами взгляд летчика на проблему контроля над вооружениями: давайте-де вернем армию домой, чтобы ребята могли обеспечить воздушное прикрытие для тех, кто останется!» Блэкуилл не только возражал по сути против плана Скоукрофта, но и не хотел, чтобы Соединенные Штаты были втянуты в торги с Горбачевым: «Не надо нам стараться идти голова в голову с Горбачевым, смело ставя на тотализаторе».

Подобные высказывания дали Скоукрофту точное, хотя, по всей вероятности, и весьма мягкое, представление о той оппозиции, которую он может встретить со стороны институтов национальной безопасности, если публично выдвинет свою идею. И он поспешил от нее отступить.

Этикетка Горбачева

Во вторник, 14 марта 1989 года, за день до истечения назначенного срока, президенту на письменный стол, обтянутый зеленой кожей с золотым тиснением, лег наконец долгожданный анализ политики. Буш не любил читать бумаги. Когда его бывшего помощника Питера Тили спрашивали, ознакомится ли президент с той или иной справкой, он отвечал: «Да, только пишите кратко». Подобно Франклину Рузвельту и Рональду Рейгану Буш предпочитал получать информацию на слух.

Единственным исключением из этого правила служили ежедневные секретные донесения ЦРУ. В середине семидесятых, когда Буш возглавлял Центральное разведывательное управление, он иногда лично вручал эти документы – наряду с чертежами новых советских ракет и бомбардировщиков – президенту Форду. (Во всяком случае однажды он явился к Форду под чужой фамилией – мера предосторожности, характерная для секретной службы.) Окончательный вариант «Анализа национальной безопасности-3» состоял из тридцати одной страницы, напечатанной через интервал. Этот подробнейший документ начинался с многозначительной фразы: «Мы вступили в переходный период, по важности не уступающий послевоенному». На данном этапе «вряд ли» Советский Союз «вернется к беспощадной автократии».

«Перестройка в наших интересах»: новый подход Горбачева «дает нам в руки рычаги воздействия, которыми восемь лет назад мы не обладали». Политика США должна быть нацелена не на то, чтобы «помочь» Горбачеву, а скорее на то, чтобы умело «бросить вызов» Советам и, таким образом, «направить их действия в нужное нам русло».

Далее, политика США должна способствовать «институционализации» советской реформы, чтобы ни Горбачеву, ни его последователю не удалось бы приостановить ее или повернуть вспять, к ледниковому периоду. Демократические преобразования в СССР «напрямую соотносятся с нашей задачей – добиваться пересмотра ценностей и приоритетов в Советском Союзе: территориальная экспансия, равно как и внутренняя диктатура советского политического и партийного руководства, должны уступить место качественному изменению жизни народа».

В текст «Анализа национальной безопасности» был включен список желательных преобразований в Советском Союзе: более прочные законные гарантии гражданских, политических и экономических свобод; либерализация законодательства и процедуры выборов, включая тайное голосование; независимость судебных органов; «более беспристрастная пресса»; «активизация неправительственных организаций»; большая свобода передвижения; целенаправленное обеспечение «экономической самостоятельности» посредством децентрализации принятия решений; право собственности на землю и капитал; упразднение командной экономики; и самое дерзкое: «отмена монополии коммунистической партии и ликвидация полицейского государства».

Авторы настоящего документа и не подозревали, что все это, как и многое другое, осуществится в течение последующих трех лет.

В конце марта во время закрытого обеда в Белом доме Бейкер сказал президенту, что необходимо активнее развивать отношения с Горбачевым. Он охарактеризовал недавние выборы съезда народных депутатов как очередное подтверждение тому, что Горбачев «всерьез посягнул на существующую систему. Каждым новым шагом он доказывает, что назад пути нет».

Впервые почувствовав вкус демократических выборов, популисты, либералы и националисты, бросив вызов партийным карьеристам, одержали верх по всему Советскому Союзу. Некоторые кандидаты от партии потерпели поражение даже там, где у них не было конкурентов, так как избиратели могли вычеркивать фамилии.

В числе победителей оказался Борис Ельцин, одно время возглавлявший московскую партийную организацию, но в 1987 году отстраненный Горбачевым от этой должности за требование чрезмерно радикальных реформ. Сейчас Ельцин стал депутатом от Московского округа, набрав 89 процентов голосов. Многие представители советского посольства в Вашингтоне, в том числе несколько офицеров КГБ, опустили за него свои бюллетени. Некоторые аналитики ЦРУ в лице Ельцина видели мощную потенциальную поддержку программе Горбачева и его возможного преемника, если Горбачев сдаст свои позиции...

В среду, 5 апреля, политический стратег, дипломат и ученый Джордж Кеннан выступил перед сенатским комитетом по иностранным делам. Он обвинил Буша в «игнорировании» последних «обнадеживающих инициатив и предложений с советской стороны»:

«Времена, когда мы, руководствуясь определенными мотивами, рассматривали Советский Союз главным образом как возможного – если не сказать вероятного – военного противника, безусловно, миновали». Сенаторы, слушатели и даже стенографистка, состоявшая на службе в комитете, встав, зааплодировали. Кеннан был главой американских советологов и отцом-создателем концепции сдерживания.

Через два дня Горбачев объявил, что остановит производство урана для военных целей и закроет два завода по производству плутония.

В воскресенье, 9 апреля, Скоукрофт, выполняя волю президента, выступил в программе «Встречи с прессой». Десять недель назад в аналогичной же программе он утверждал, что «холодная война» не прекратилась. На этот раз он провозгласил:

– То, что мы сейчас наблюдаем, свидетельствует... о победе Запада.

Однако американцам не следует впадать в эйфорию или успокаиваться. Нет необходимости в каких-либо «крутых, переломных изменениях» в политике США по отношению к СССР.

В тот же день на улицах Тбилиси, столице советской республики Грузии, войска разогнали десятитысячную демонстрацию грузинских националистов. Более двухсот человек были ранены, девятнадцать – из них шестнадцать женщин – убиты. Некоторых до смерти забили лопатами. Информация с телетайпов в подвале Белого дома была отрывочной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.